

Мюррэй Н. Ротбард

«Анатомия

Государства:

ЧЕМ

**Государство
не является;**

ЧТО

**Государство
представляет»**

Мюррэй Н. Ротбард

Мюррэй Н. Ротбард (2 марта 1926 г. - 7 января 1995 г.) - американский экономист, доктор экономических наук, заслуженный профессор экономики. Ротбард являлся теоретиком анархо-капитализма и был главной фигурой американского либертарного движения в 20-ом веке. Мюррэй Ротбард утверждал, что государство является «организацией системного насилия, грабежа и разбоя».

«Анатомия Государства»

-Вкратце, Государство — это такая организация в обществе, которая стремится поддерживать монополию на применение насилия и принуждения на определённой территории; в особенности, это единственная организация в обществе, которая получает свой доход, не при помощи добровольных взносов или платежей за товары, или оказанные услуги, а исключительно при помощи принуждения к насильственному платежу», — Мюррэй Н. Ротбард «Анатомия Государства».

АНАТОМИЯ ГОСУДАРСТВА

MURRAY N. ROTHBARD

**ANATOMY
OF THE STATE**

LvMI
MISES INSTITUTE

МЮРРЕЙ РОТБАРД

**ОППЕНГЕЙМЕР
«ГОСУДАРСТВО»**

**АНАТОМИЯ
ГОСУДАРСТВА**

Издание второе,
испр. и доп.

Москва

УДК 321.01

ББК 66.0

P79

Перевод с английского

Ротбард, М. (1926—1995)

P79 Оппенгеймер «Государство». Анатомия государства /
Мюррей Ротбард ; пер. с англ. — Москва : RUSTATE.ORG,
2019. — 136 с.

ISBN 978-5-91603-091-4

Мюррей Ротбард известен как величайший из живших когда-либо врагов государства, и эта книга является его самым кратким и мощным изложением антиэтатизма. Следуя за Францем Оппенгеймером и Альбертом Ноком, Ротбард рассматривает государство как опасное хищное существо. Оно ничего не производит, а только крадет ресурсы у тех, кто занимается производством благ. Он демонстрирует нам, как государство попирает и преступает все то, чего придерживаются законопослушные граждане, и как оно действует под ложным прикрытием «благих намерений».

УДК 321.01

ББК 66.0

ISBN 978-5-91603-091-4

© RUSTATE.ORG

СОДЕРЖАНИЕ

Оппенгеймер «Государство»	3
Анатомия Государства	23
Глава 1. Анатомия Государства: Чем Государство не является	27
Глава 2. Анатомия Государства: Что такое Государство	37
Глава 3. Анатомия Государства: Как Государство себя защищает	51
Глава 4. Анатомия Государства: Как Государство расширяет свои пределы	71
Глава 5. Анатомия Государства: Чего именно Государство боится	99
Глава 6. Анатомия Государства: Как Государства относятся друг к другу	107
Глава 7. Анатомия Государства: Власть Государства против Власти Общества	121

Величайшая опасность, угрожающая сейчас Цивилизации: подчинение всей жизни Государству, внедрение Государства во все области, поглощение всей общественной спонтанной инициативы Государственной Властью, а значит, уничтожение той исторической самобытности общества, которая в конечном итоге поддерживает, питает и движет судьбой человечества.

— Хосе Ортега-и-Гассет
«Восстание Масс».

**ОППЕНГЕЙМЕР
«ГОСУДАРСТВО»
(РЕЦЕНЗИЯ)**

Существует два принципиально противоположных метода, посредством которых человек, нуждающийся в пропитании, вынужден получать необходимые средства для удовлетворения своих нужд. Это работа или грабеж, собственный труд или — насильственное присвоение чужого труда.

— Франц Оппенгеймер
«Государство»

Книга «Государство» социолога Франца Оппенгеймера — это классика, но до сих пор по достоинству не оцененная. Великий немецкий социолог Франц Оппенгеймер (1864—1943), написав прекрасную книгу под названием «Государство» (1907 г.), выполнил свою задачу превосходно.

Он сказал, что, по сути, есть только два способа приобретения богатства для людей. **Первый способ заключается в создании товара или услуги и добровольном обмене этого продукта на продукты других людей. Это метод обмена, метод свободного рынка; он созидателен и расширяет производство; это не игра с нулевой суммой, потому что производство расширяется и обе стороны получают выгоду от обмена. Оппенгеймер назвал такой метод «экономическим методом» приобретения благосостояния.**

Второй способ — это захват собственности другого человека без его согласия, путем мародерства, эксплуатации, разграбления. Когда вы захватываете чью-либо собственность без его согласия, вы получаете выгоду за счет его затрат, доход за счет расходов производителя; вот поистине «игра» с нулевой суммой — отнюдь не «игра» для ограбленной жертвы. Вместо расширения производства метод грабежа явно затрудняет

и ограничивает производство. Таким образом, помимо своей аморальности метод грабежа препятствует производству, потому что паразитирует на усилиях производителей.

С блестящей простотой Франц Оппенгеймер назвал такой метод извлечения богатства «**политическим методом**». Затем он предложил определять Государство, или Правительство, как «**организацию политических методов**», т.е. как организацию, использующую системные, регулярные, узаконенные и непрерывно применяемые «**политические методы**» для извлечения богатства из производящего общества — грабежа общества.

На протяжении веков Государство и его «интеллектуальные апологеты» пропагандировали миф о том, что Государство является «добровольным инструментом общества». Существенным для этого мифа была идея о том, что «Государство возникло на добровольной основе» или по крайней мере на «естественной основе, органически возникшей из потребностей общества». Ибо если Государство возникло естественно или добровольно, то, вероятно, следует, что оно и выполняло, и по-прежнему выполняет некую жизненно важную социальную функцию.

Два основных варианта мифа о происхождении Государства — это идея о том, что Государство

возникло из «общественного договора», заключенного между «всеми членами общества», которые «отдали свои права» Государству в надежде на его покровительство. Миф о «естественном происхождении» Государства опирается также на теорию «постепенного накопления капитала», называемую еще «теорией поступательного развития», в процессе чего происходили увеличение неравенства, разделение общества на классы и господство правящих классов над обществом.

Отказавшись от теорий о том, как Государство *должно* было возникнуть, в пользу более правдоподобного исторического исследования того, как оно *на самом деле* возникло, австрийский социолог конца XIX века Людвиг Гумплович отмечал, что на самом деле Государства родились в результате завоевания, покорения и господства одной этнической или «расовой» группы над другой.

Вдохновленный исследованиями Людвиг Гумпловича, немецкий социолог Франц Оппенгеймер систематизировал его работу в своей краткой и прекрасно написанной книге «Государство» (1907). Оппенгеймер указал, что *все* Государства возникли благодаря завоеванию. Его парадигмальная история Государства началась с кочевых племен,

завоевывавших негосударственные сельскохозяйственные общества.

Сначала завоеватели обычно разграбляли и убивали своих жертв, после чего грабителям приходилось искать других. Однако по прошествии столетий племена-завоеватели решили поселиться среди своих жертв; вместо того чтобы убивать их, они регулировали грабежи и делали свою добычу продолжительной, чтобы осесть для правления своими заложниками на постоянной основе.

Ежегодная «дань» стала «налогами», а земля крестьян была разбросана среди полевых командиров, чтобы стать объектом ежегодной феодальной ренты. Исходя из этого Государство и его «правлящий класс» вышли из предыдущих безгосударственных сообществ.

Таким образом, Оппенгеймер анализирует Государство как «общественный институт... насильственно навязанный победившей группой людей побежденной группе с единственной целью — утверждать Господство победившей группы над побежденной, защищать себя от восстаний изнутри и от нападений извне. Телеологически такое Господство не имеет никакой иной цели, кроме экономической эксплуатации побежденных победителями». Затем Оппенгеймер демонстрирует взгляды

и идеологию правящего класса, возникшие в результате закрепления правления завоевателей и развития эксплуатации своих подданных.

В отличие от Гумпловича, который цинично не хотел видеть ничего плохого в таком хищническом процессе обгладывания, Оппенгеймер, как либертарианец, продолжил захватывающий и блестящий анализ государства как паразитического и антиобщественного института. В своем беспримерном исследовании Франц Оппенгеймер представляет Государство как паразита и эксплуататора.

Так, Оппенгеймер отмечает, что существует всего два и только два метода, при помощи которых люди могут получать доход и приобретать богатство: первый метод — через производительный и добровольный обмен, что Оппенгеймер называет «экономическими методами» приобретения богатства, согласующимися с человеческой природой и ведущими к процветанию всего общества, методами, которые приносят выгоду и пользу всем сторонам в процессе обмена на рынке.

Другими методами являются грабеж, мародерство, принудительное изъятие благ и конфискация чужой продукции. Это паразитические методы, которые не только насилуют природу человека,

но и приносят ограбленным жертвам ущерб и уничтожают производство и экономический рост. Эти методы преступного обогащения Оппенгеймер назвал «политическими методами». Затем Оппенгеймер продолжил определение Государства на основе своих исторических исследований как «организацию, учрежденную на политических методах, т.е. как организацию, использующую системные, регулярные, узаконенные и непрерывно применяемые политические методы. Именно данный анализ принудительной сущности и эксплуататорского характера Государства был наибольшим источником вдохновения для либертарианских теорий американца Альберта Джея Нока.

Другими словами, Государство организовано системным воровством, организованным ограблением, организованной эксплуатацией. И этот существенный характер Государства в высшей степени определяется тем фактом, что Государство в своем обеспечении опирается в основном на налогообложение.

Противоположность этого к марксистским теориям правящего класса, которые включают капиталиста как «эксплуататора и управляющего» рабочих, которых он нанимает, правящий класс Оппенгеймера — это такая группа, которая сумела завое-

Под «Государством» я имею в виду ту совокупность привилегий и доминирующих положений, которые возникли посредством внеэкономической Власти. В противоположность этому, под «Обществом» я подразумеваю совокупность всех хозяйственных человеческих взаимоотношений и институтов, которые возникли в результате экономической деятельности... «Государство» — это политическая власть грабежа и насилия.

— Франц Оппенгеймер
«Государство»

вать других, тем самым создав принуждающего аппарата Государства или получив контроль над ним. Таким образом, история и анализ Оппенгеймера становятся одними из самых разрушительных и доскональных критических замечаний в отношении Государства, которые когда-либо были написаны.

Важный для нас вопрос: как проделанный Оппенгеймером исторический анализ завоевательного происхождения Государства держится после всех этих десятилетий? Ответ: очень хорошо. Анализ «политических и экономических методов», конечно же, неподвластен времени. Что же касается истории возникновения Государства, то последние антропологические исследования видоизменили, но не изменили суть «теории завоевания». Сейчас, как никогда ранее, мы знаем, что «ни одно государство не произошло из семьи или общественного договора».

Последняя модификация теории завоевания состоит в том, что многие государства возникли, как правило, не столько из-за завоевания одним племенем совершенно другого племени, сколько из «самозавоевания», господства центральных крупных деревень, завоевывающих соседние деревни того же племени, поскольку население

росло и давило на ограниченное географическое пространство, а затем навязывались постоянное правление и «налоговое бремя» над завоеванными деревнями.

Таким образом, мы видим, что многие Государства возникли не только в результате завоевания одного племени другим, но и в результате завоевания одних деревень другими в рамках одного племени. И взгляд Франца Оппенгеймера на Государство, всегда возникающее из завоевания и насилия, всегда укрепляющееся и господствующее посредством ограбления и эксплуатации населения, остается устойчивым и непоколебимым, чтобы помочь отбросить наши последние иллюзии о «некой благодати» Государства.

Данное эссе опубликовано в журнале «Libertarian Review» в сентябре 1975 года. Мюррей Н. Ротбард / Политическая Философия.

© Libertarian Review, September 1975.

Оригинал: Murray Rothbard. «Oppenheimer: «The State» (<https://www.libertarianism.org/publications/essays/oppenheimer-state>)

Перевод на русский язык

© S.ANCAP: <http://translatedby.com/you/murray-rothbard-oppenheimer-the-state/into-ru/>

Лицензия: <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.ru>

* Перевод выполнен для проекта RUSTATE.ORG, издания книги социолога Франца Оппенгеймера «Государство: Переосмысление» на русском языке.

Государство заявляет право на насилие и использует монополию на преступление. <...> Оно запрещает частные убийства, но само оно убивает в колоссальных масштабах. Оно карает частные грабежи, но само оно грабит без разбору все то, что оно пожелает, будь то бизнес и собственность своих граждан или земли иностранцев.

— Альберт Дж. Нок
«О правильном поведении»

**АНАТОМИЯ
ГОСУДАРСТВА:
ЧТО ТАКОЕ
ГОСУДАРСТВО
И ЧЕМ ОНО
НЕ ЯВЛЯЕТСЯ**

Итак, если Государство — это громадный механизм насилия и узаконенных преступлений, «организация политических методов» для обогащения, то это означает только одно: что оно, Государство, является типичной криминальной организацией.

— Мюррей Ротбард
«Этика свободы»*

* Эпиграфы к главам и выделения полужирным шрифтом и курсивом добавлены издателем. Использование заглавных букв и кавычек для отдельных терминов также отличается от оригинала.

ГЛАВА 1

АНАТОМИЯ

ГОСУДАРСТВА:

ЧЕМ ГОСУДАРСТВО

НЕ ЯВЛЯЕТСЯ

Государство всегда озабочено тем, чтобы захватить и оградить жизненно необходимые «пункты управления» экономикой и обществом. Среди них: монополия на насилие, монополия на абсолютную власть, каналы коммуникации и транспорта (почта, дороги, реки), системы орошения в странах восточного деспотизма, а также образование — чтобы формировать мнения своих будущих граждан. Еще в современной экономике критичным пунктом управления являются деньги и налоги.

— Фрэнк Ходоров
«Взлет и падение общества»

Почти повсеместно Государство считается учреждением, которое предоставляет некие общественно полезные услуги. Одни теоретики поклоняются Государству как апофеозу общества; другие считают его дружелюбной, хотя и не эффективной организацией для достижения социальных целей; и почти все считают его необходимым средством для достижения целей всего человечества, средством, которое противопоставляется «частному сектору» и которое всегда побеждает «частный сектор» в неравной конкуренции за необходимые ресурсы. С распространением Демократии отождествление Государства с Обществом удвоилось, дошло даже до того, что часто звучат доходящие до абсурда мнения, которые нарушают буквально все основы благоразумия и здравого смысла, например такие, как «Мы» и есть «Правительство».

Удобный собирательный термин «Мы» позволил накинуть идеологический камуфляж на социально-политическую реальность. Если «Мы» и есть «Правительство», тогда, как бы «Правительство» ни поступало по отношению к индивидууму, — это не только справедливо и не деспотично, но также и «добровольно» со стороны данного индивидуума. И если «Правительство» нажило огромный государственный долг, который надо

выплачивать, облагая налогами одну группу людей в пользу другой, реальность этого бремени завуалирована фразой «мы должны сами себе»; если «Правительство» призывает человека на войну или бросает его в тюрьму за инакомыслие, то выходит, что «он сам с собой так поступил» и поэтому ничего такого страшного не происходит.

(Если следовать такой извращенной «логике», тогда евреи, уничтоженные нацистским правительством, не были им убиты; вместо этого они сами «совершили самоубийство», так как они и были «Правительством» (которое ими же «демократическим путем» было избрано), и поэтому все, что это «Правительство» сделало с ними, было сделано по их выбору и с их полного согласия. Казалось бы, нет необходимости обсуждать, настолько вопиюще подобное заблуждение, однако подавляющее большинство людей подвержены такому заблуждению в большей или в меньшей степени.)

Поэтому нам необходимо подчеркнуть, что «Мы» — не «Правительство», а «Правительство» — не «Мы». «Правительство» никоим образом не «представляет» и никогда не будет «представлять» большинство народа¹. Но даже если бы оно и представляло такое большинство, даже если бы вдруг 70 процентов «правительства» решило бы вдруг

убить остальные 30 процентов «инакомыслящих», то все равно — это было бы типичным убийством, а не «добровольным самоубийством» со стороны истребленного меньшинства². Поэтому никакой «органицистской метафоре», никакой «банальной бессмыслице» вроде того, что «мы все часть друг друга», не следует позволять затмевать свой разум и факт того, что «Мы» — не «Правительство», а Общество — не Государство.

Если Государство — не «Мы», если оно — не «человеческая семья», собирающаяся вместе для решения общих проблем, если это не профсоюзное собрание и не «клуб по интересам», тогда что же оно? Вкратце Государство — это такая организация в обществе, которая стремится поддерживать монополию на использование насилия и принуждения на определенной территории; в особенности это единственная организация в обществе, которая получает свой доход не при помощи добровольных взносов или платежей за товары или оказанные услуги, а исключительно при помощи принуждения к насильственному платежу.

В то время как другие индивиды и институты получают свой доход посредством мирной и добровольной торговли, продажи товаров или услуг

друг-другу, Государство получает свой доход, используя насилие и принуждение, угрожая людям тюрьмой и штыком³. Используя насилие и принуждение для извлечения своего дохода, Государство обычно не останавливается на достигнутом, оно правит и продолжает регулировать и принуждать к своим порядкам, оно и далее насаждает неравные условия и диктует остальные действия для «своих подданных».

Казалось бы, для подтверждения подобного утверждения достаточно простого наблюдения за действиями Государства на каком-то отрезке истории или за действиями различных Государств во всем мире; однако тьма лжи и туман мифов настолько долго и плотно скрывали истинную сущность деятельности Государства, что существует крайняя необходимость в ее детальном разъяснении.

* * *

¹ Мы не можем в данной главе обсуждать множество проблем и заблуждений «Демократии». Достаточно здесь сказать то, что истинный агент, или «представитель» индивидуума, всегда подчиняется приказам этого индивидуума, принципала, и может быть уволен в любое время по малейшему поводу, и он не может действовать вопреки интересам и желаниям

своего распорядителя. В таком случае становится совершенно ясно, что при «Демократии» «представитель» совершенно не выполняет подобных агентских функций, не несет никаких обязательств перед своими распорядителями, принципалами, что должно быть единственно необходимым и неременным условием для существования свободного гражданского общества.

² «Социал-Демократы» часто отвечают так, что «Демократия» — избрание представителей власти большинством голосов — логически подразумевает, что это большинство должно предоставить определенные права и свободы для меньшинства, так как меньшинство может однажды стать таким большинством. Помимо других недостатков этот аргумент не соблюдается там, где меньшинство никогда не сможет стать большинством, например когда меньшинство принадлежит к иной расовой, этнической или социальной группе.

³ *Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism, and Democracy.* New York: Harper and Bros., 1942. P. 198.

«Трение или антагонизм между частной и государственной сферой деятельности с самого начала усугубляется еще таким фактом, что... **Государство живет на чужие доходы, которые производятся в частной сфере в личных целях и должны быть конфискованы от этих целей для целей Государства при помощи**

МЮРРЕЙ РОТБАРД
«АНАТОМИЯ ГОСУДАРСТВА»

политического и экономического насилия. Теория, которая истолковывает налоги по аналогии с некими клубными взносами или как покупку неких услуг, скажем, некой страховки, доказывает только то, насколько вообще далека эта область социальных наук от любых здравых и научных принципов».

См. также: *Rothbard M.* The Fallacy of the «Public Sector // *New Individualist Review*. 1961. Summer).

ГЛАВА 2

АНАТОМИЯ
ГОСУДАРСТВА:
ЧТО ТАКОЕ
ГОСУДАРСТВО

Вкратце Государство — это такая организация в обществе, которая стремится поддерживать монополию на применение насилия и принуждения на определенной территории; в особенности это единственная организация в обществе, которая получает свой доход не при помощи добровольных взносов или платежей за... оказанные услуги, а исключительно при помощи принуждения к насильственному платежу.

**— Мюррей Ротбард
«Анатомия Государства»**

Человек нагим приходит в этот мир и вынужден использовать разум, чтобы научиться использовать ресурсы, данные ему природой, и трансформировать их (путем инвестирования в «капитал») в формы, состояния и условия, где эти ресурсы могут быть использованы для удовлетворения его потребностей и повышения его уровня жизни.

Человек сможет добиться этого, используя только свой труд, свой разум и свою энергию для преобразования таких ресурсов, для производства «благ» и для обмена полученных продуктов труда на продукты, созданные трудом других людей. Человек в результате своей деятельности обнаружил, что благодаря такому производству и процессу добровольного и взаимовыгодного рыночного обмена производительность и, следовательно, уровень жизни всех участников обмена могут неимоверно возрасти.

Единственным и «естественным» способом для человека выжить и достичь благосостояния, таким образом, является использование собственного труда, разума и энергии для участия в процессе производства и рыночного обмена. Человек это делает, извлекая ресурсы и затем трансформируя их («смешивая с ними свой труд», по выражению Дж. Локка), для того, чтобы сделать их своей собственностью,

а затем обменять свою собственность, свою продукцию, — на продукцию, полученную подобным же образом, на результаты труда, продукцию и собственность других людей.

Поэтому общественный путь, диктуемый требованиями человеческой природы, — это путь «прав собственности» и «свободного рынка» дарения или обмена таких прав. На этом пути люди научились избегать пещерных методов борьбы за редкие ресурсы, когда некто «А» может получить свои ресурсы только за счет «Б», и напротив, узнали, как чрезвычайно полезно многократно умножать эти ресурсы в мирном труде, созидательном производстве и добровольном рыночном обмене.

Великий немецкий социолог Франц Оппенгеймер утверждал, что существуют два взаимоисключающих способа обретения богатства; первый — вышеуказанный способ производства и обмена продукции — он назвал «экономическим методом». Другой способ обогащения, более примитивный и не требующий производства, это способ захвата товаров и услуг других людей при помощи насилия и принуждения. Это метод безвозмездной конфискации, расхищения частной собственности, грабежа других людей. Такой метод Франц Оппенгеймер назвал «политическим

методом» обогащения. Отсюда ясно, что применение мирного обмена и собственного труда для производства — это «естественный путь» благополучия человеческой цивилизации.

Точно так же должно быть ясно, что принудительный, хищнический путь противоречит «естественному закону»; он паразитический, так как вместо прироста производства и благосостояния он их разоряет и уменьшает. «Политический метод» перераспределяет продукцию в пользу паразитической и разрушительной группы или касты; и такое перераспределение не только уменьшает количество продукции, это также снижает стимул для производителя производить свыше своей необходимости. В долгосрочной перспективе грабитель истребляет свои собственные средства к существованию, истощая и уничтожая источники их производства. Кроме этого, даже в краткосрочном периоде такой паразит всегда действует вопреки своей собственной человеческой природе.

Теперь мы, наконец, можем более полно ответить на вопрос: что же такое *Государство*? Государство, по словам Франца Оппенгеймера, — это «организация политических методов»⁴; это система организации хищнических процессов на соответствующей территории. Ведь преступность, в лучшем случае,

спорадична и неустойчива; паразитизм сам по себе недолговечен, и основанный на паразитизме образ жизни может быть прерван в любой момент противоборством со стороны жертв.

«Государство представляет собой узаконенный, упорядоченный и обоснованный механизм для расхищения частной собственности; Государство предоставляет касте паразитов в обществе надежный, безопасный и относительно “мирный” канал снабжения»⁵. Поскольку производство и накопление благ всегда предшествует мародерству, расхищению собственности, свободный рынок всегда предшествовал Государству. Государство поэтому никогда не создавалось как «Общественный Договор»; Государство всегда возникало через воинственный грабеж и политическое насилие.

Классический пример появления «Государства» — когда племя завоевателей прекращает проверенный временем метод налета, грабежа и истребления завоеванного племени, сообразив, что можно грабить дольше, надежнее и в более благоприятной обстановке, если позволить завоеванному племени жить, работать и производить, а самим завоевателям поселиться среди них, в качестве их Правителей, вымогая у них постоянную ежегодную дань⁶.

Один из методов появления «Государства» можно проиллюстрировать следующим образом: на холмах «Южной Руритании» группе бандитов удастся установить физический контроль над территорией, после чего главарь такой банды объявляет себя «Президентом» суверенного и независимого правительства «Южной Руритании»; и если он и его бандиты обладают достаточной силой для удержания своего правления в течение некоторого длительного времени, то — о чудо! — новое «Государство» присоединилось к большой «семье народов», и недавние лидеры преступников и насильников превратились в «законную знать» и «власть Государства».

* * *

- ⁴ Социолог Франц Оппенгеймер писал: «Существуют два и только два фундаментально противоположных способа, в соответствии с которыми человек, нуждающийся в пропитании, может получить необходимые средства для удовлетворения своих нужд. Это работа и грабеж, собственный труд или насильственное завладение чужим трудом, захват продуктов чужого труда... Поэтому... я предлагаю в дальнейшем называть собственный труд и эквивалентный обмен собственного труда на труд других людей «экономическим методом» для удовлетворения нужд, в то вре-

Что же такое Государство как социологическая концепция? Государство в своем происхождении и развитии... является общественным институтом, насильственно навязанным группой победителей группе побежденных людей с одной целью — утверждения Господства победившей группы над побежденной группой и для защиты себя от восстания изнутри и от вторжения извне. Телеологически такое Господство не имеет никакой иной цели, кроме экономической эксплуатации побежденных победителями.

— Франц Оппенгеймер
«Государство»

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО

мя как насильственное завладение чужим трудом, захват продуктов чужого труда называть «политическим методом». <...> Государство, таким образом, не может появиться на свет до тех пор, пока, при помощи «экономических методов», не будет создано достаточное количество благ для удовлетворения нужд людей, которые могут быть затем отобраны или присвоены при помощи воинственного грабежа и политического насилия — «политического метода» обогащения» (Franz Oppenheimer, *The State* (New York: Vanguard Press, 1926) pp. 24—27).

⁵ Альберт Джей Нок здесь точно написал:

«Государство заявляет право на насилие и использует монополию на преступление. <...> Оно запрещает частные убийства, но само оно убивает в колоссальных масштабах. Оно карает частные грабежи, но само оно грабит без разбору все, что оно пожелает, будь то бизнес и собственность своих граждан или земли иностранцев» (Nock. *On Doing the Right Thing, and Other Essays*. New York: Harper and Bros., 1929. P. 143; цит. по: Schwartzman J. Albert Jay Nock — A Superfluous Man // *Faith and Freedom*. 1953. December. P. 11).

⁶ Oppenheimer F. *The State*. New York: Vanguard Press, 1926. P. 15:

«Что же такое Государство как социологическая концепция? Государство в своем происхождении

МЮРРЕЙ РОТБАРД
«АНАТОМИЯ ГОСУДАРСТВА»

и развитии... является общественным институтом, насильственно навязанным группой победителей группе побежденных людей, с одной целью — утверждения Господства победившей группы над побежденной группой, и для защиты себя от восстания изнутри, и от вторжения извне. Телеологически такое Господство не имеет никакой иной цели, кроме экономической эксплуатации побежденных победителями».

Бертран де Жувенель написал следующее: «Государство, по сути, — это результат успеха, достигнутый группой разбойников, которые насильственным методом навязали себя к обособленным хозяйствующим сообществам» (*Jouvenel B. de. On Power. New York: Viking Press, 1949. P. 100—101*).

ГЛАВА 3

АНАТОМИЯ

ГОСУДАРСТВА:

КАК ГОСУДАРСТВО

СЕБЯ ЗАЩИЩАЕТ

Государство, по словам Франца Оппенгеймера, — это «организация политических методов». Социолог Франц Оппенгеймер утверждал: «Существуют два и только два фундаментально противоположных способа, в соответствии с которыми человек, нуждающийся в пропитании, может получить необходимые средства для удовлетворения своих нужд. Это работа и грабеж, собственный труд или насильственное завладение чужим трудом, захват продуктов чужого труда...

— Мюррей Ротбард
«Анатомия Государства»

Как только Государство образовалось, перед правящей группой лиц, или «кастой», встает проблема — как сохранить свою власть⁷. И хотя их «modus operandi» (образ действия) — насилие, главная и долговременная их проблема идеологическая. Для пребывания у власти любое правительство (а не только «демократически избранное») должно обладать и иметь поддержку большинства своих подданных. Следует отметить, что такая поддержка необязательно должна быть в форме активного энтузиазма; вполне достаточно пассивного согласия и смирения; смирения, как перед неизбежной стихией природы. Но поддержка в смысле определенного рода признания, конечно, необходима; иначе меньшинство государственных правителей будет, в конце концов, перевешено активным сопротивлением народного большинства.

Так как разрушительное хищничество должно поддерживаться известным избытком производства, по необходимости верно так же то, что класс или каста, образующие костяк Государства, — его кабинетная бюрократия и активно мародерствующие бандиты-силовики — должны составлять достаточно ограниченное меньшинство в своей стране, хотя, при различных обстоятельствах, они могут подкупать себе союзников среди

важных групп населения. Поэтому главной задачей и проблемой всех правителей является обеспечение активной или смиренной поддержки от большинства граждан^{8, 9}.

Конечно, один из самых надежных методов обеспечить такую поддержку — создание корыстных политических и экономических интересов. Поэтому «Король» не может править в одиночку; он должен иметь при себе группу своих сторонников, обладающих особым положением, например членов госаппарата, таких как профессиональная бюрократия и признанная знать¹⁰. Однако это обеспечивает только небольшое количество его «верных» сторонников, и даже неременная покупка поддержки при помощи дотаций, субсидий или предоставления других привилегий не позволяет все же обеспечить полного согласия большинства.

Для обеспечения такой ключевой задачи большинство следует убедить при помощи идеологии, что их правительство доброе, мудрое или по крайней мере неизбежное и уж конечно лучшее, чем любая мыслимая и возможная альтернатива. Распространение такой идеологии среди народа — жизненно важная социальная задача для «интеллектуалов». Ведь массы не создают собственных идей и не продумывают эти идеи независимо; они пассивно

следуют идеям, которые приняты и распространяются «сообществом интеллектуалов». «Интеллектуалы», таким образом, являются «скульпторами общественного мнения». А так как Государство отчаянно нуждается именно в формировании общественного мнения, становится ясной основа векового альянса Государства и «интеллектуалов».

Очевидно, что Государство нуждается в «интеллектуалах»; не так очевидно, почему «интеллектуалы» нуждаются в Государстве. Здесь мы можем предполагать, что благосостояние «интеллектуала» при «свободном рынке» всегда непрочное; ведь «интеллектуал» должен полагаться на ценности и вкусы массы своих сограждан, а для масс характерно именно общее равнодушие к любым интеллектуальным ценностям. Государство же, со своей стороны, охотно предлагает «интеллектуалам» прочное и постоянное место в государственном аппарате и тем самым надежный доход, стабильность и гарантии. Ведь «интеллектуалы» будут щедро вознаграждены за важнейшую функцию, которую они выполняют для государственных правителей и к которым они теперь сами косвенно принадлежат¹¹.

Альянс между Государством и «интеллектуалами» проявился в страстном желании профессоров Берлинского университета в XIX столетии

сформировать группу «интеллектуальных телохранителей дома Гогенцоллернов». В наши дни следует обратить внимание на откровенное замечание одного влиятельного ученого-марксиста, касающееся критического исследования восточного деспотизма профессором Виттфогелем: «Цивилизация, которую профессор Виттфогель подверг таким горьким нападкам, сделала поэтов и ученых чиновниками»¹². Мы можем также отметить многочисленные примеры развития «науки стратегии», которая состоит на службе у вооруженных сил, основной ветви правительства, которая осуществляет насилие¹³. Почтенной профессией, помимо прочего, является занятие официального или «придворного» историка, заключающееся в распространении взглядов правителя (или династии) на деяния его самого и его предшественников¹⁴.

Аргументы, при помощи которых Государство и его прислужники «интеллектуалы» побуждают в своих подданных поддерживать их правление, многочисленны и разнообразны. В основном составляющие этих аргументов можно обобщить следующим образом: (а) Государственные правители — великие и мудрые люди (они «правят по божественному праву», они «аристократы» среди

людей, они «научные эксперты»), гораздо выше и мудрее своих хороших, но простоватых подданных, и (б) власть существующего правительства неизбежна, абсолютно необходима и намного лучше, чем неопишуемые несчастья, которые разразятся после его падения.

Одним из древнейших и наиболее эффективных из этих идеологических приемов был союз Церкви и Государства. Правитель был либо «богоизбранным», миропомазанником божьим, либо, как в случае восточных деспотий, сам был Богом; поэтому любое сопротивление его правлению каралось как вероотступничество, а сомнение в его «божественности» — считалось богохульством. Государственные жрецы и служители Церкви всегда выполняли основную функцию «интеллектуалов» — обеспечения поддержки и даже поклонения народа своему Государю и его Государству¹⁵.

Другой успешный прием — внушить страх альтернативной системы правления или отсутствия правления. Поддерживалось мнение, что нынешние правители предоставляют гражданам жизненно необходимую услугу, за которую они должны быть чрезвычайно благодарны, — защиту от случайных грабителей и преступников. Государство, защищая собственную монополию на хищничество,

действительно заботится о том, чтобы свести к минимуму частный и несистематический грабеж; Государство всегда ревностно относилось к своим охотничьим угодьям.

Особенно успешно в течение последних веков Государство внушало страх своему народу перед правителями других Государств. Но так как поверхность земного шара была распределена между разными Государствами, то одной из основных доктрин Государства было отождествление себя с территорией, на которой оно управляло. Так как большинство людей склонны любить свою родину, родную землю, отождествление этой земли и ее народа с Государством стало необходимым способом заставить естественный патриотизм работать на пользу Государству.

Если «Руритания» была вдруг атакована «Валдавией», то главной задачей Государства и его «интеллектуалов» было убедить народ «Руритании», что атака направлена именно на них, на народ, а не только на правящую «касту власти». Таким образом, война между правителями Государств была превращена в войну между народами, где каждый народ защищал своих правителей, ошибочно полагая, что это правители защищают их. Этот прием «национализма» был успешен только

у западной цивилизации и только в последние столетия; совсем не так давно основная масса подданных считала войны битвами между различными сословиями знати, не имеющими к ним, простому народу, никакого отношения.

Идеологическое оружие, применяемое Государством в течение столетий, изощренно и многообразно. **Отличным оружием является традиция.** Чем дольше Государству удавалось сохранять свое правление, тем мощнее было это оружие; так как в этом случае Правителя X или Государство Y поддерживал вес вековых традиций¹⁶. **Почитание предков, таким образом, становится изощренным средством почитания древних и настоящих владык и их власти.** Потому наибольшую опасность для Государства представляет независимая интеллектуальная критика; и нет лучшего способа подавить такую критику, чем объявить любой одинокий голос, любого высказывающего сомнения, как нечестивого нарушителя мудрости предков. **Еще одно мощное идеологическое насилие Государства — осуждать все личное, индивидуальное и превозносить коллективизм общества.** Так как всякое правление подразумевает согласие большинства, то идеологическая опасность такому правлению может проистекать первоначально только от

одной или нескольких независимо мыслящих личностей. Новая идея, не говоря уже о новой критической концепции, по необходимости зарождается как особое мнение меньшинства; поэтому Государство должно подавить такие взгляды в зародыше, нивелируя любые взгляды, идущие вразрез с мнением масс. Максимы «Слушай только своих братьев, будь как мы» и «приспосабливайся к обществу» становятся, таким образом, массовым идеологическим оружием для подавления индивидуального несогласия¹⁷. Благодаря таким мерам массы никогда не узнают об «отсутствии у короля одежды»¹⁸. Так же важно для Государства, чтобы его власть казалась неизбежной; даже если его правление и недолюбливают, с ним пассивно смиряются, что выражено в известной фразе про «смерть и налоги». Еще один из методов — внедрять историографический детерминизм, в противовес личной свободе воли. Если династия «Х» правит нами, то это оттого, что Неумолимые Законы Истории (или Божья Воля, Абсолют, Производственные Силы) постановили так, и никакие усилия жалкого индивида или меньшинства не смогут изменить это неизбежное установление. Так же важно для Государства прививать своим подданным отвращение к любого рода «теориям заговора в истории»,

так как поиск таких «заговоров» означает поиск мотивов и установление ответственных за исторические злодеяния. Если, однако, любая тирания Государства, коррупция или агрессивная война были вызваны не государственными правителями, а таинственными и загадочными «общественными силами», или общим несовершенством мира, или если каким-то образом все несут ответственность («Мы все убийцы», как заявлял один лозунг), тогда людям нет смысла возмущаться или восставать против таких злодеяний. Более того, атака на «теории заговора» означает, что подданные станут легче верить в доводы «общего блага», всегда выдаваемые Государством как оправдание любым своим деспотическим действиям. «Теория заговора» может пошатнуть систему, побуждая общественность сомневаться в государственной идеологической пропаганде.

Еще один проверенный и верный метод подчинить подданных воле Государства — это вызвать в нем чувство греха, вины. Любой рост частного благосостояния можно подвергнуть критике как «бессовестную жадность», «бездуховный материализм» или «постыдный эгоизм», получение прибыли можно обозвать «барыжничеством» или «ростовщичеством», а взаимовыгодный обмен

осуждать как «спекуляцию», и каким-то образом из этого всегда делается такой вывод, что надо как можно большее количество ресурсов перекачать из частного в «государственный» сектор. **Чувство вины побуждает людей охотнее принимать это и поступать именно так.** Ведь в то время как частные лица склонны предаваться «эгоистичной жадности», неспособность правителей государства вступать в честный рыночный обмен должна указывать на их ярую приверженность более высоким и благородным идеалам, — видимо, паразитическое хищничество, на их взгляд, выглядит морально и этически более благородно, чем мирный торговый обмен и производящий труд.

В настоящее, более светское, время «божественная власть» Государя уступила свое место новому «божеству» — Науке. Власть Государства теперь объявляется «ультранаучной», так как ее планируют эксперты. И хотя к «разуму» взывают намного чаще, чем в предыдущие века, речь идет вовсе не о разуме человека или его способности к свободе воли; в сущности — это все тот же коллективизм и национализм, все так же подразумеваются всеобщая уравниловка и насильственное принуждения своих подданных к лояльности правительству.

Все более широкое использование научного жаргона позволило «государственным интеллектуалам» сплести сеть хитроумных оправданий для Государства, которые были бы выставлены на посмешище в более простые времена. **Вор, оправдывающий свою кражу, говоря, что он на самом деле помог своим бедным жертвам тем, что его расходы активизируют торговлю и увеличат общий объем благосостояния, вряд ли бы нас убедил; однако** когда такая теория облачена в кейнсианские уравнения, снабжена ссылками на «эффект мультипликатора» и на рост ВВП, она уже выглядит вполне себе убедительно. Насилие над здравым смыслом продолжается и, к сожалению, каждый раз выполняет свою задачу.

Поскольку идеологическая платформа жизненно необходима Государству, оно должно беспрестанно пытаться произвести впечатление на публику своей «легитимностью», чтобы отделить свои действия от действий простых бандитов. Неустанная решимость такой атаки на здравый смысл неслучайна, ведь, как живо описал Генри Менкен, *«обычный человек, каковы бы ни были его ошибки в других областях, по крайней мере, явно считает правительство чем-то, что существует отдельно от него и от сообщества его собратьев, — что это*

отдельная, независимая и враждебная сила, только частично находящаяся под его контролем и способная причинить ему огромный вред и нанести ущерб. Не знаменателен ли тот факт, что воровство из казны Государства повсеместно считается в народе менее серьезным преступлением, чем воровство у частного лица или даже у корпорации? <...> За этим стоит, как я полагаю, глубокое чувство фундаментального антагонизма между властью правительства и управляемыми людьми. Правительство воспринимают не как комитет граждан, избранных для управления общим предприятием всего населения, а как отдельную касту или автономную корпорацию, в основном занимающуюся эксплуатацией населения и конфискацией его собственности к выгоде немногочисленных «избранных» членов. <...> Поэтому, когда грабят частного гражданина, достойный человек лишается плодов своей предприимчивости или бережливости; когда же грабят правительство, то, в худшем случае, у горстки воров, жуликов и паразитов будет меньше денег на их прихоти. Идея о том, что они заслужили эти деньги, никому не приходит в голову, а для наиболее здравомыслящих людей эта идея вообще нелепа»¹⁹.

* * *

- ⁷ О ключевом отличии между «кастой», группой с привилегиями или обременениями, насильно предоставленными или наложенными государством, и марксистской концепцией «классов» в обществе см.: *Mises L. von. Theory and History. New Haven, 1957. P. 112.*
- ⁸ Такая поддержка, конечно, не означает, что Государство вдруг стало «добровольным»; так как, даже если некое большинство поддерживает Государство охотно, эта поддержка не является полной и единогласной.
- ⁹ То, что каждое правительство, независимо от степени его «деспотизма» по отношению к человеку, должно заручиться такой поддержкой, было показано такими политическими теоретиками, как Этьен де ла Боэти, Давид Юм и Людвиг фон Мизес. Например, ср.: *Hume D. Of the First Principles of Government // Essays, Literary, Moral and Political. London: Ward, Locke, and Taylor, n.d. P. 23; la Boétie É. de, Anti-Dictator. New York: Columbia University Press, 1942. P. 8—9; Mises L. von. Human Action. Auburn, Ala.: Mises Institute, 1998. P. 188ff.* Более полно о вкладе в анализ Государства ла Боэти см.: *Jaszi O., Lewis J. D. Against the Tyrant. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1957. P. 55—57.*
- ¹⁰ «Всякий раз, когда правитель становится диктатором... все, кто испорчен жгучими амбициями или чрезвычайной алчностью, все они все окружают и поддерживают его, с тем чтобы получить свою долю при дележе

его добычи и стать ничтожными князьками при большом тиране» (*La Boétie. Anti-Dictator. P. 43—44*).

- ¹¹ Это ни в коем случае не означает, что все «интеллектуалы» заключили союз с Государством. О сотрудничестве интеллектуалов и Государства см.: *Jouvenel B. de. The Attitude of the Intellectuals to the Market Society // The Owl. 1951. January. P. 19—27; Idem. The Treatment of Capitalism by Continental Intellectuals // Hayek F. A. ed. «Capitalism and the Historians. Chicago: University of Chicago Press, 1954. P. 93—123; перепечатано в: George B. de Huszar, «The Intellectuals» (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1960), pp. 385—99; а также см.: Schumpeter J. A. Imperialism and Social Classes. New York: Meridian Books, 1975. P. 143—155.*
- ¹² *Needham J. Review of Karl A. Wittfogel, Oriental Despotism. // Needham J. Science and Society in East West (1958). Нидхэм также пишет, что «династии [китайских] императоров служила на протяжении всей жизни огромная компания глубоко гуманных и бескорыстных ученых. Виттфогель указывает на конфуцианскую доктрину, согласно которой слава правящего класса покоится на благородных чиновниках — ученых-бюрократах, судьба которых быть профессиональными правителями, диктующими народным массам. Wittfogel K. A. Oriental Despotism. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1957. P. 320—321. Противоположная точка зрения представлена в: Lukacs J. Intellectual Class or Intellectual Profession? // de Huszar. The Intellectuals. P. 521—522.*

- ¹³ «...Стратеги настаивают, что их профессия заслуживает «уважения как академический аналог военной профессии» (*Ribs J*, *The War Plotters // Liberation*. 1961. August. P. 13); см. также: *Raskin M*. *The Megadeath Intellectuals // New York Review of Books*. November 14, 1963. P. 6—7.
- ¹⁴ Например, историк Коньерс Рид в своем обращении к президенту выступал за замалчивание исторических фактов с целью служения «демократии» и национальным ценностям. Рид провозгласил, что «всеобщая война, неважно холодная или жаркая, призывает всех и взывает ко всем внести свой вклад. Историк не более свободен от этого долга, чем физик» (*Read C*. *The Social Responsibilities of the Historian // American Historical Review*. 1951. P. 283ff. Критику Рида и других аспектов придворной истории см. в: *Beale H. K*. *The Professional Historian: His Theory and Practice // The Pacific Historical Review*. 1953. August. P. 227—55. Также см.: *Butterfield H*. *Official History: Its Pitfalls and Criteria // History and Human Relations*. New York: Macmillan, 1952. P. 182—224; *Barnes H. E*. *The Court Historians Versus Revisionism*. n. d. P. 2ff.
- ¹⁵ *Wittfogel K*. *Oriental Despotism*. P. 87—100. О противоположной роли религии в отношении Государства в древних Китае и Японии см.: *Jacobs N*. *The Origin of Modern Capitalism and Eastern Asia*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1958. P. 161—94.

- ¹⁶ «Существенной причиной к повиновению является то, что оно стало привычкой нашего рода. <...> Власть для нас — факт природы. С ранних дней писаной истории она всегда руководила судьбами людей. <...> Власти, правившие [обществом] в прежние времена, исчезли, но оставили своим преемникам свою привилегию, а также оставили отпечатки в умах людей, имеющие накопительный эффект. Последовательность правительств, которые столетиями правят одним и тем же обществом, можно рассматривать как, по сути, одно и то же правительство, как некий ствол дерева, на котором нарастают годовые кольца» (*De Jouvenel. On Power. P. 22*).
- ¹⁷ О таких способах использования религии в Китае см.: *Jacobs N. Op. cit. Passim*.
- ¹⁸ «Все, что [Правительство] видит в настоящей Идее, — это потенциальные перемены, т.е. это покушение на собственные привилегии. Наиболее опасным человеком для любого правительства является человек, способный решать сам за себя, не обращая внимания на господствующие предрассудки и традиции. Почти неизбежно он приходит к выводу, что его правительство бесчестно, безумно и невыносимо, и тогда, если он романтик, он пытается это изменить. И даже если он сам не романтик, то он отлично распространяет недовольство среди романтиков» (*Mencken H. L. A Mencken Chrestomathy. New York: Knopf, 1949. P. 145*).
- ¹⁹ *Ibid. P. 146—147*.

ГЛАВА 4

АНАТОМИЯ

ГОСУДАРСТВА:

КАК ГОСУДАРСТВО

РАСШИРЯЕТ

СВОИ ПРЕДЕЛЫ

Оно, Государство, взяло на себя огромное количество новых обязательств и обязанностей; оно распространило свои полномочия вплоть до проникновения в каждое действие гражданина, неважно насколько тайное, оно начало возводить вокруг своих действий «высокопочтимость и непогрешимость» как Государственной Религии; его агенты стали отдельной верховной кастой, они уполномочены как ограничивать в правах, так и освобождать от правил, и они везде и всюду суют свой нос. Но Государство, как и прежде, так и сейчас, остается всеобщим врагом для всех благожелательных, трудолюбивых и порядочных людей.

— Генри Менкен
«Предрассудки: Избранное»

Как мудро заметил Бертран де Жувенель, за прошедшие столетия люди выработали концепции, предназначенные для контроля и ограничения власти Государства; в свою очередь, Государство, с помощью своих союзников интеллектуалов, сумело преобразовать эти концепции, одну за другой, в свои послушные инструменты, придающие государственным указам и действиям законный и добродетельный вид. Изначально в Западной Европе концепция божественной власти монарха предполагала, что Короли могут править лишь в соответствии с Законом Божьим; Короли же вывернули эту концепцию наизнанку, утверждая, что любые действия Короля будут угодны Богу. Концепция парламентской демократии начиналась как народный контроль над абсолютным правлением монарха; закончилась она парламентом, ставшим неотъемлемой частью Государства, каждое решение которого теперь обладает полнейшим суверенитетом. Как заключил Бертран де Жувенель: «Многие, кто писал по поводу теорий власти, сумели выработать какой-нибудь... ограничивающий механизм. Но, в конце концов, каждая такая теория, рано или поздно, теряла свое первоначальное назначение и начинала действовать как трамплин к Власти, получая могущественную поддержку

какого-нибудь невидимого правителя, который, со временем, успешно себя с ней идентифицировал»²⁰.

Подобное произошло и с более узкоспециализированными доктринами: «естественное право» индивида, закрепленное Джоном Локком и Биллем о Правах, превратилось в такой инструмент государства, как «право на труд»; а «утилитаризм» сменил свои аргументы в защиту свободы на аргументы против сопротивления Государственному вмешательству в свободу.

Разумеется, самой амбициозной попыткой наложить ограничения на Государство стал Билль о Правах (первые десять поправок к Конституции США. — *Изд.*), а также другие ограничения Американской Конституции, в которых писанные пределы власти правительства стали основным законом, предназначенным для интерпретации судебной властью, предположительно независимой от власти правительства. Все американцы знакомы с процессом, благодаря которому в течение последнего столетия толкование ограничений Конституции неумолимо расширялось. Но немногие обладали прозорливостью профессора Чарльза Блэка, распознавшего, что в процессе таких изменений Государство во многом трансформировало роль судебного надзора из ограничивающего

механизма в еще один инструмент обеспечения идеологической легитимности и расширения деятельности правительства. Поскольку судебный декрет о «неконституционности» является мощным сдерживающим фактором для власти правительства, то явный или подразумеваемый вердикт «конституционности» стал мощным оружием воспитания общественного принятия постоянно возрастающей власти правительства.

Профессор Ч. Блэк начинает свой анализ с важного указания на принципиальную необходимость «легитимности» для выживания любого правительства; такое «узаконивание» обозначает простое принятие большинством голосов этого правительства и его действий²¹. Признание «легитимности» особенно проблематично в таком государстве, как Соединенные Штаты, где «в теорию, на которой основывается правительство, встроены значительные ограничения». Нужен, как добавляет Ч. Блэк, способ, позволяющий правительству заверить общественность в том, что его растущая власть в действительности «конституционна». И это, как он заключает, и было основной исторической функцией судебного надзора.

Давайте позволим Ч. Блэку проиллюстрировать проблему:

«Наивысший риск [для правительства] — это недовольство и возмущение, широко распространившиеся среди населения, а также потеря морального авторитета правительством как таковым, вне зависимости от того, как долго оно сможет поддерживаться силой инерции или отсутствием привлекательной и немедленно доступной альтернативы. Практически каждому, кто живет под правительством с ограниченной властью, рано или поздно придется подвергнуться какому-нибудь правительственному действию, которое, по его личному мнению, выходит за рамки правительственных полномочий, нарушает наложенные ограничения или категорически правительству запрещено. Человека призывают в армию, хотя в Конституции ничего не написано насчет призыва. <...> Фермеру говорят, сколько пшеницы ему выращивать; а он считает — и, как он обнаруживает, и некоторые уважаемые юристы тоже так считают, — что у правительства не больше прав говорить ему, сколько выращивать пшеницы, чем прав говорить его дочери, за кого ей выходить замуж. Человека отправляют в федеральное исправительное учреждение за то, что он высказал свое мнение, и он меряет свою камеру шагами, декламируя: “...Конгресс не должен издавать никакого закона,

ограничивающего свободу слова”. <...> Бизнесмену говорят, какую цену он может и должен устанавливать на обезжиренные сливки...»

Здесь есть достаточно серьезная и реальная опасность, что каждый из таких людей (а кто сейчас не из их числа?) сравнит концепцию ограничений Правительства с реальностью (которую видит) вопиющего превышения Правительством действующих ограничений и полномочий, и делает вполне закономерные выводы — о нелегитимности своего Правительства!²²

Эта опасность предотвращается при помощи продвигаемой Государством доктрины, согласно которой лишь одно учреждение должно иметь право окончательного решения в вопросах конституционности, и это учреждение в конечном счете должно подчиняться и быть частью федерального правительства²³. Ведь, хотя кажущаяся независимость федеральной судебной власти и сыграла ключевую роль в превращении ее действий в своего рода «Священное Писание» в глазах народных масс, также всегда верно и то, что «Судебная Власть» есть продолжение правительственного аппарата, назначаемой исполнительной и законодательной власти.

Ч. Блэк признает здесь, что это означает, что Государство «назначило самого себя судьей в своем

собственном деле», тем самым нарушив основополагающий юридический принцип, направленный на принятие справедливых судебных решений. И здесь он резко отрицает возможность любой альтернативы²⁴.

Далее Чарльз Блэк добавляет:

«Задача, таким образом, состоит в том, чтобы разработать такой способ принятия правительственных решений, который [хотелось бы на это надеяться] уменьшит до терпимого минимума интенсивность сопротивления тому факту, что правительство «является судьей в своем собственном деле». Решив эту задачу, вы сможете надеяться, что такое сопротивление, пусть теоретически и обоснованное [далее выделено мною], на практике будет настолько ослаблено, что работа по «легитимизации» любых постановлений правительства, проводимая Верховным судом, принимающим окончательные решения, будет покорно принята в обществе²⁵.

В конечном счете Ч. Блэк приходит к выводу, что обеспечение справедливости и достижение легитимности в результате постоянного исполнения государством роли судьи в своем деле следует рассматривать как «нечто вроде чуда»^{26, i}.

Применяя свой тезис к знаменитому конфликту между Верховным судом и правительством

«Нового Курса» Рузвельта, профессор Ч. Блэк остро критикует своих коллег, являющихся сторонниками Рузвельта, за их близорукость в предупреждении подобного судебного разбирательства:ⁱⁱ

«Стандартная версия той истории разбирательства Верховного суда и правительства «Нового Курса» Рузвельта, хотя по-своему достаточно точна, но в ней неверно расставляет акценты. <...> Она концентрируется на неких трудностях в самом процессе; но почти забывает о том, как вообще это все произошло. Результатом того заседания суда было то, что [и я хочу это подчеркнуть. — М. Р.], заседавшая где-то около двух лет... Верховный суд, без единого изменения в тексте закона или даже в составе самих судей, *наложил печать легитимности как на «Новый курс» Рузвельта, так и на всю новую концепцию правления в Америке*^{27, iii}.

Таким образом, Верховный суд сумел поставить крест на значительном количестве американцев, которые имели серьезные конституционные возражения против «Нового курса»^{iv}.

«Конечно, <таким решением суда> не все остались довольны. Все еще находилось немалое количество последователей принципа *laissez faire* <невмешательства Государства в рыночную экономику> и немало приверженцев «Красавчика принца

Чарли»* в высокогорье Шотландии. Но уже не слышно серьезных или опасных публичных сомнений по поводу конституционных полномочий Конгресса обращаться с национальной экономикой так, как он обращается...»^v

Мы не имели никаких средств, кроме Верховного суда, для придания законности «Новому курсу»^{28, vi}.

ПОЯСНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА**

ⁱ «*In the last analysis, Black finds the achievement of justice and legitimacy from the State's perpetual judging of its own cause as "something of a miracle"*».

«Здесь М. Ротбард пишет о том, что в своей последней работе Чарльз Блэк утверждает, что, поскольку Государство в любых судебных разбирательствах является одной из заинтересованных сторон, — то это исключает принятие справедливых (не ангажированных) решений в случае рассмотрения дел по преступлениям государственных властей, в таком случае нарушается базовый юридический принцип справедливости *nemo iudex in causa sua* — «в силу конфликта интересов никто не должен быть судьей в своем деле». Другими словами, Государство не может — и не должно судить само себя, поэтому данный казус Чарльз Блэк называет «чудом».

ⁱⁱ «*Applying his thesis to the famous conflict between the Supreme Court and the New Deal, Professor Black keenly chides his fellow*

КАК ГОСУДАРСТВО РАСШИРЯЕТ СВОИ ПРЕДЕЛЫ

pro-New Deal colleagues for their shortsightedness in denouncing judicial obstruction:

Таким образом, исходя из тезиса, что Государство не может беспристрастно судить само себя, профессор Чарльз Блэк рассматривает известное судебное разбирательство между Верховным судом США и правительством Рузвельта, предложившим программу Нового курса, и остро критикует сторонников Нового курса за непонимание сути судебных разбирательств и поддержку судебного процесса.

- iii *The standard version of the story of the New Deal and the Court, though accurate in its way, displaces the emphasis. . . . It concentrates on the difficulties; it almost forgets how the whole thing turned out. The upshot of the matter was [and this is what I like to emphasize] that after some twenty-four months of balking . . . the Supreme Court, without a single change in the law of its composition, or, indeed, in its actual manning, placed the affirmative stamp of legitimacy on the New Deal, and on the whole new conception of government in America.*

Несмотря на то что официальная версия судебных разбирательств между Верховным судом США и правительством Рузвельта содержит достоверное изложение событий, в ней все же несколько смещены акценты, — дело в том, что официальная версия в основном фокусируется на трудностях, возникших во время судебных разбирательств, и практически обходит стороной вопрос о том, как, собственно говоря, сложилась такая ситуация (как вышло решение). Результатом двухлетних судебных разбирательств, как известно, стало вынесение положительного вердикта по программам Нового курса и действиям федерального правительства США. При этом надо отметить,

МЮРРЕЙ РОТБАРД
«АНАТОМИЯ ГОСУДАРСТВА»

что в ходе разбирательств Верховный суд не рассматривал дух или букву Нового курса, — на повестке дня стоял лишь вопрос легитимности Федеральных Властей по проведению тех или иных решений и мероприятий.

- iv *In this way, the Supreme Court was able to put the quietus on the large body of Americans who had had strong constitutional objections to the New Deal...*

Верховный суд, вынеся положительный вердикт в пользу Нового курса и федерального правительства США, попросту пренебрег мнением большого количества американских граждан, считавших, что на действия федерального правительства, реализующего программы Нового курса, должны распространяться ограничения, предусмотренные Конституцией США, для ограничения действий центрального правительства.

- iv *Of course, not everyone was satisfied. The Bonnie Prince Charlie of constitutionally commanded laissez-faire still stirs the hearts of a few zealots in the Highlands of choleric unreality. But there is no longer any significant or dangerous public doubt as to the constitutional power of Congress to deal as it does with the national economy...*

Было очевидно, что не все безропотно приняли положительный вердикт Верховного суда, и до сих пор в американском обществе есть изрядное количество приверженцев (в данном случае использована аллегория «Bonnie Prince Charlie» — это Карл Эдвард Стюарт, поднявший мятеж в Шотландии против власти Англии) и принципа «Laissez-Faire» — идеи о недопустимости вмешательства государства в экономические отношения.

vi *We had no means, other than the Supreme Court, for imparting legitimacy to the New Deal.*

Но теперь ни у кого не должно остаться сомнений в том, что сегодня в Соединенных Штатах всей полнотой власти, согласно Конституции, обладает не, как положено, Конгресс, а сам Верховный суд, который теперь, в угоду центральному правительству стал решать, что может делать центральное правительство США».

Как признает Ч. Блэк, одним крупных политических теоретиков, кто распознал — во многом загодя — зияющую прореху в конституционных ограничениях на правительство, возникающую из-за возложения абсолютной власти интерпретации конституционности на Верховный суд, был Джон Кэлхаун. Джон Кэлхаун не довольствовался понятием «чуда» и провел свой глубокий анализ конституционных проблем. В своем исследовании «Disquisition» Дж. Колхаун продемонстрировал врожденную тенденцию Государства вырваться за конституционные ограничения:

«Писаная Конституция имеет, разумеется, множество важных преимуществ, но будет огромной ошибкой предполагать, что лишь одного включения положений, ограничивающих и сдерживающих власть правительства, *без наделения тех,*

для защиты кого эти положения предназначены, способами обеспечить их соблюдение [курсив мой. — М. Р.], будет достаточно, чтобы не позволить партии правящего большинства злоупотребить своей властью. Будучи стороной, контролирующей правительство, они по своей человеческой природе, в силу которой правительство необходимо для защиты общества, будут любить власть, дарованную им конституцией и противостоять любым ограничениям, призванным поставить их в некие рамки. <...> Партия слабого меньшинства, напротив, пойдет в противоположном направлении и будет рассматривать их [ограничения] как незаменимые средства защиты против правящей партии. <...> Но, при отсутствии способов, которыми они могут принудить партию большинства соблюдать эти ограничения, единственным выходом для них будет буквальное толкование Конституции. <...> Правящая партия ответит более вольным толкованием. <...> Толкование столкнется с толкованием — одно для сужения власти, другое для расширения власти правительства до максимальных пределов. Но какова может быть польза от буквального толкования партии меньшинства против вольного толкования большинства, если правящая партия обладает всей

властью правительства для претворения своего толкования в действие, а их противники лишены всех средств воплотить свое? В соперничестве, столь неравном, стоит ли сомневаться в результате? Поддерживающая ограничения сторона будет в результате сломлена. <...> Конституция в результате борьбы будет извращена. <...> Ограничения, в конце концов, будут сведены на нет, и правительство превратится в орган, с ничем не ограниченной властью²⁹.

Одни из немногих политологов, кто оценил результаты анализа Конституции Колхауном, был профессор Аллен Смит. А. Смит заметил, что в Конституцию была включена система сдержек и противовесов, ограничивающая каждую ветвь власти, и все же возник Верховный суд с монопольной властью окончательной интерпретации этой Конституции. Если Федеральное Правительство было создано для сдерживания вмешательства в права личности со стороны отдельных штатов, то кто должен сдерживать эту федеральную власть? А. Смит отстаивал мнение, что идея «сдержек и противовесов», реализованная в Конституции, внутренне предполагала сопутствующее воззрение, что ни одной из ветвей власти не будет передана власть окончательной интерпретации: «Народ предполагал, что

новому правительству не будет разрешено определять границы собственных полномочий, поскольку в этом случае именно оно, а не Конституция, будет главенствовать»³⁰.

Решением, предложенным Джоном Колхауном (и развитым в этом столетии такими авторами, как А. Смит), была, конечно, знаменитая доктрина «согласованного большинства». Если некое влиятельное провинциальное меньшинство, например правительство штата, считает, что федеральное правительство превышает свои полномочия и покушается на права этого меньшинства, то данное меньшинство имеет право наложить вето на применение этой власти, квалифицировав его как неконституционное. В применении к правительствам штатов эта теория вводила право «обнуления» федерального закона или решения в пределах юрисдикции штата.

Теоретически результирующая конституционная система должна была бы обеспечить сдерживание федеральным правительством попыток нарушить права индивидов правительствами отдельных штатов, тогда как правительства штатов будут ограничивать федеральную власть над индивидами. Хотя такие ограничения, без сомнений, были бы эффективней, чем существующие

КАК ГОСУДАРСТВО РАСШИРЯЕТ СВОИ ПРЕДЕЛЫ

сейчас, с решением Дж. Колхауна тем не менее связано много сложностей и проблем. Если и в самом деле группа подданных должна иметь право вето в касающихся ее вопросах, то зачем останавливаться на уровне штата? Почему бы не ввести право вето в округах, городах, городских районах? Далее, групповые интересы могут быть не только региональными, но и профессиональными, социальными, клубными и т.д. Как насчет булочников, таксистов или представителей других профессий? Разве не следует предоставить им право вето касательно их жизни? Это приводит нас к важному заключению, что теория обнуления ограничивает свой контроль только подразделениями самого правительства. Не будем забывать, что федеральное правительство и правительства штатов вместе со всеми ветвями власти — это все еще Государство, движимое государственными интересами, а не интересами отдельных граждан. Что помешает применить систему Дж. Колхауна наоборот, когда правительства штатов осуществляли бы тиранию над своими гражданами и с помощью вето мешали бы Федеральному Правительству в его попытках остановить такую тиранию? Или как насчет молчаливого согласия Правительства Штатов с тиранией Федерального Правительства? Что помешает

федеральному правительству или правительствам штатов заключить взаимовыгодные союзы для совместной эксплуатации граждан? И даже если бы частные группировки по профессиям получили бы некую форму «функционального» представления в правительстве, что помешает им использовать Государство для получения субсидий и прочих особых привилегий для себя или что запретит им ввести принудительные картели для представителей своих профессий?

Коротко говоря, Дж. Колхаун не развил свою новаторскую теорию достаточно последовательно: он не продумал ее вплоть до самого индивида. Если в конечном счете именно индивид является тем, чьи права должны быть защищены, то последовательная теория согласия дала бы право вето каждому индивиду; что-то вроде «принципа единогласия». Когда Дж. Колхаун писал, что «[Правительство] не может начинать или продолжать функционировать без согласованного и единогласного одобрения от всех», он, возможно неосознанно, пришел именно к тому же выводу³¹. Но такие рассуждения уводят нас далеко от нашей темы, поскольку далее на этом пути лежат политические системы, которые вряд ли вообще можно назвать «Государствами»³². Просто для примера, так же как право обнуления для

правительства штата, логичным образом предполагает право отделения <сецессии>, так и право обнуления у индивида, предполагало бы право любого индивида «выйти» из состава Государства, где он живет³³.

Таким образом, Государство неизбежно демонстрирует поразительный талант к расширению своих полномочий сверх всяких пределов, которые могут быть на него наложены. Поскольку Государство обязательно живет за счет принудительной конфискации частного капитала и поскольку его расширение неизбежно связано с все более нарастающим вторжением в частный сектор и нашествием на частные предприятия, то мы должны заявить, что любое Государство глубоко и по своей сути — является *антикапиталистическим*. В каком-то смысле наша позиция — это противоположность марксистского изречения о том, что Государство — является «исполнительным комитетом» господствующего сегодня класса, предположительно капиталистов. Напротив, Государство — организация политических средств — состоит и является источником этого «правлящего класса» (скорее, правящей касты), находясь в постоянной оппозиции подлинно частному капиталу.

Поэтому следует повторить вслед за Жувенелем:

«Лишь тот, кто знаком только со своим временем, и абсолютно невежествен относительно манеры поведения Власти на протяжении тысячелетий, тот будет считать такие поступки [национализацию, налогообложение и проч.] результатом некоего конкретного набора доктрин. На самом деле это обычные проявления Власти, совсем не изменившие свою суть со времен конфискации монастырской собственности Генрихом VIII. Все тот же принцип в действии; жажда полномочий, жажда ресурсов; все эти операции обладают одинаковыми признаками, включая быстрый карьерный взлет делителей наживы. Неважно, социалистическая или нет, Власть всегда должна находиться в состоянии войны с частными и капиталистическими институтами и лишать бизнес капиталистов, создаваемых ими богатств; поступая так, она подчиняется законам своей природы»³⁴.

* * *

²⁰ *De Jouvenel. On Power. P. 27ff.*

²¹ *Black, Jr., C. L. The People and the Court. New York: Macmillan, 1960. P. 35ff.*

²² *Ibid. P. 42—43.*

²³ Ibid. P. 52:

«Основная и самая нужная функция Верховного суда — это легализация, «узаконивание», а не лишение законной силы. Что нужно правительству ограниченных возможностей, в начале и всегда, — так это способ успокоения граждан касательно того, что им были приняты все меры в пределах человеческих возможностей, чтобы оставаться в границах своих полномочий. Это условие его легитимности, а легитимность — в долгосрочной перспективе — является непременным условием для его выживания. Суд же на протяжении своей истории действовал только с целью легитимизации правительства».

²⁴ С точки зрения Ч. Блэка, это «решение» хоть и парадоксально, но жизнерадостно самоочевидно:

«Предел власти Государства... должен наступить там, где его установит закон. А кто установит этот предел, кто вынудит его соблюдать самую могучую силу? Ну как же, само Государство, конечно, с помощью своих судей и законов. Но кто контролирует рассудительных? Кто обучает мудрых? (Ibid. P. 32—33)».

Также еще: «Когда вопросы касаются власти правительства суверенной нации, невозможно найти арбитра, который был вне правительства. Каждое национальное правительство, до тех пор пока оно

правительство, должно иметь право окончательно решения по поводу собственной власти» (Ibid. P. 48—49).

²⁵ Ibid. P. 49.

²⁶ Приписывание «чудес» правительству напоминает оправдание правительства Джеймсом Бернхэмом при помощи мистицизма и иррациональности:

«В те древние времена, до того как иллюзии науки затемнили традиционную мудрость, основатели городов были известны как Боги или полубоги. <...> Ни источник, ни обоснование власти не могли быть выражены полностью в рациональных терминах. <...> Почему я должен принимать наследственный, демократический или любой другой признак легитимности? Почему какой-то принцип должен оправдывать правление данного человека надо мной? <...> Что же, я принимаю этот принцип. <...> Принимаю его потому, что жизнь такова и была такой».

«Но что, если кто-то не примет этот принцип? Какова в таком случае «жизнь»?»

James Burnham, «Congress and the American Tradition» (Chicago: Regnery, 1959). P. 3—8.

²⁷ *Black. The People and the Court.* P. 64.

* Наследник дома Стюартов, предводитель восстания против дома Ганноверов, воспринимаемого народом Шотландии как восстание против деспотизма англичан.

²⁸ Ibid. P. 65.

** Этот сложный фрагмент перевел и прокомментировал Александр Стихин.

²⁹ *Calhoun J. C. A Disquisition on Government. New York: Liberal Arts Press, 1953. P. 25—27.*

Также см.: *Rothbard M. N., Conservatism and Freedom: A Libertarian Comment // Modern Age. 1961. Spring. P. 219.*

³⁰ *Smith J. A. The Growth and Decadence of Constitutional Government. New York: Henry Holt, 1930. P. 88.* Смит добавил:

«Было очевидно, что там, где положение Конституции было создано с целью ограничения власти какого-нибудь государственного органа, оно могло быть эффективно аннулировано, если его интерпретация и реализация были предоставлены тем властям, которых оно необходимо было ограничивать. Вполне очевидно, что здравый смысл настойчиво требует, чтобы ни одна часть правительства никогда не могла определять свои собственные полномочия».

«Определенно, что здравый смысл и «чудеса» диктуют совершенно разные взгляды на сущность правительства» (p. 87).

- ³¹ *Calhoun*. A Disquisition on Government. P. 20—21.
- ³² В последние годы принцип единодушия испытал возрождение в очень сильно ослабленном виде, в особенности в сочинениях профессора Джеймса Бьюкенена. Однако введение принципа единодушия в настоящих условиях и применение его только к изменениям в статус-кво, а не к существующим законам может привести лишь к тому, что концепция ограничения вновь превратится в печать Государства. Если принцип единодушия применять лишь к изменениям в законах и указах, то все зависит от природы исходной «начальной точки». См.: *Buchanan J., Tullock G. The Calculus of Consent*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.
- ³³ См.: *Spencer H. The Right to Ignore the State // Spencer H. Social Statics*. New York: D. Appleton, 1890. P. 229—239.
- ³⁴ *De Jouvenel*. On Power. P. 171.

ГЛАВА 5
АНАТОМИЯ
ГОСУДАРСТВА:
ЧЕГО ИМЕННО
ГОСУДАРСТВО
БОИТСЯ

Здесь есть достаточно серьезная и реальная опасность, что каждый из таких людей (а кто сейчас не из их числа?) сравнит концепцию ограничений Правительства с реальностью (которую видит) вопиющего превышения Правительством действующих ограничений и полномочий и сделает вполне закономерные выводы — о незаконности своего Правительства!

**— Мюррей Ротбард
«Анатомия Государства»**

Чего Государство боится больше всего, так это, конечно, любой фундаментальной угрозы своей власти или своему существованию. Смерть Государства может произойти двумя основными путями: (а) путем завоевания другим Государством; (б) революционным переворотом, осуществленным самими гражданами, — короче говоря, посредством войны или революции. Именно война и революция, эти две базовые угрозы, неизменно пробуждают в государственных правителях максимум усилий и максимум пропаганды среди граждан. Как уже говорилось, здесь задействуются все доступные средства для мобилизации людей на защиту Государства с таким убеждением, что они при этом «защищают сами себя». Ошибочность такой идеи проявляется уже в обращении с теми призывниками, которые отказываются «служить защитой» Государству и поэтому насильно принуждаются к участию в военной банде Государства: здесь не стоит даже упоминать о том, что полностью запрещена «защита» против таких действий со стороны «их собственного» Государства.

Во время войны мощь Государства усиливается до максимума; под лозунгами «государственной защиты» и «национальной безопасности» может быть установлена такая тирания над обществом,

какая вызвала бы открытое сопротивление в мирное время. Таким образом, война предоставляет собой множество возможностей и преимуществ Государству; в самом деле, все современные войны оставили враждовавшим народам неизменное наследство в виде увеличенной государственной нагрузки на общество. Более того, война предоставляет Государству заманчивые возможности захвата территорий, на которых можно установить монополию на применение силы. Рэндолф Борн определенно был прав, когда писал, что «война — это здоровье Государства», однако для отдельного взятого Государства война может привести как к здоровью, так и к «смерти»³⁵.

Мы можем проверить гипотезу того, что Государство больше заинтересовано в защите себя, чем своих граждан, задав совсем простой вопрос: «какие виды преступлений Государство преследует и наказывает сильнее всего — те, что против граждан, или те, что против него самого?» Самыми опасными преступлениями в лексиконе любого Государства практически всегда являются не посягательство на права человека или частную собственность, а опасности его собственному счастливому существованию, например государственная измена, дезертирство солдата к врагу, невступление

в армию, смена власти или некая тайная организация, созданная с такой целью, покушение на правительство, а также экономические преступления против Государства, как подделка или замена его денег или уклонение от выплаты ему налогов. Или сравните степень рвения, с каким будут преследовать человека, напавшего на полицейского, с тем вниманием, какое Государство будет уделять нападению на простого, обычного гражданина. И тем не менее парадоксальным образом открыто объявленный Государством приоритет собственной защиты над защитой граждан мало кем воспринимается как несоответствие с его предполагаемым смыслом существования³⁶.

* * *

³⁵ Мы уже показали, что для Государства существенна поддержка интеллектуалов, в том числе поддержка против двух наиболее опасных угроз (революции и завоевания). По поводу роли американских интеллектуалов во вступлении Америки в Первую мировую войну см.: *Bourne R. The War and the Intellectuals // Bourne R. The History of a Literary Radical and Other Papers. New York: S. A. Russell, 1956. P. 205—222.*

Как утверждает Борн, обычным способом для интеллектуалов добиться поддержки для действий

Государства являются направлением всех споров в русло базовой государственной политики и воспрепятствование любой фундаментальной или всеобщей критике <самой> этой базовой рамки.

³⁶ Генри Менкен пишет в своей неподражаемой манере:

«Эта банда («эксплуататоры, составляющие правительство») обладает практически полным «иммунитетом» к наказанию. По нашим законам самые худшие их вымогательства, даже явно ради частной прибыли, не влекут никаких определенных наказаний. С первых дней Республики менее нескольких дюжин из них было подвергнуто импичменту и лишь несколько мелких и никому неизвестных подчиненных были заключены в тюрьму. А число людей, сидящих в тюрьмах за бунт против коррупции и вымогательств со стороны правительства, всегда в десять раз больше, чем правительственных чиновников, осужденных за угнетение налогоплательщиков ради собственной выгоды» (*Mencken H. A Mencken Chrestomathy*. P. 147—48).

Живое и увлекательное описание недостаточной защиты индивида от покушений на его свободы со стороны его же «защитников» см. в его статье: *Mencken H. L. The Nature of Liberty // Mencken H. L. Prejudices: A Selection* (New York: Vintage Books, 1958. P. 138—143).

ГЛАВА 6
АНАТОМИЯ
ГОСУДАРСТВА:
КАК ГОСУДАРСТВА
ОТНОСЯТСЯ
ДРУГ К ДРУГУ

Фашизм — это определенная идеология, основанная на идее, что Государство — это идеальная организация для реализации потенциала общества, нации: экономически, социально и даже духовно. Для фашиста Государство является инструментом, при помощи которого реализуется всеобщая судьба нации; в котором находится потенциал для гордости и величия. Индивидуальные права и сам человек при этом полностью подчиняются «великим и славным» целям Государства.

**— Лувеллин Роквелл
«Фашизм — противник Капитализма»**

Поскольку поверхность суши поделена между различными Государствами, межгосударственные отношения должны занимать немалое количество времени и энергии Государства. Естественное стремление любого Государства состоит в увеличении своего могущества; внешний способ добиться этого состоит в захвате территорий. Если эта территория обитаема и на ней уже есть какое-то Государство, то такое расширение предполагает неприменный конфликт между правящими группами обоих Государств. На каждой отдельно взятой территории в конкретный период времени только одна группа правителей может иметь монополию на насилие, а стало быть, полная власть над территорией для Государства X может быть получена лишь путем изгнания Государства Y. Война, хоть она и рискованна, всегда будет являться склонностью Государств, прерываясь периодами мира и сменой государственных альянсов и коалиций.

Мы уже рассмотрели, как «внутренние», или «домашние», попытки ограничить Государство на протяжении XVII—XIX столетий оформились наиболее ярко в форме конституционализма. Аналогом их «внешних» или «иностранных дел» стало развитие «международного права», в особенности «законов войны» и «прав нейтральных стран»³⁷.

Некоторые положения международного права первоначально были исключительно частными и выросли из потребности всех торговцев и купцов в защите их собственности и разрешении их споров. Примеры: морское право, торговое право. Но даже правила для Государств появились стихийно, сами по себе, и не были навязаны неким международным «Супер-Государством». Целью «законов войны» было ограничение межгосударственного разрушения лишь самими органами Государства, таким образом защищая невинное «гражданское» население от массовой военной резни и истребления войной. Цель развития прав нейтральных стран состояла в том, чтобы защитить частную гражданскую международную торговлю, даже с «вражескими» странами, от конфискаций борющимися сторонами. Таким образом, общей целью было ограничить масштабы войн и, в частности, ограничить их разрушающее воздействие на частных лиц, являющихся гражданами нейтральных стран, да даже и воюющих стран.

Правовед Фредерик Джон Вель замечательно описывает такие «цивилизованные приемы ведения войны», быстро достигшие расцвета в Италии XV века:

«Зажиточные горожане и торговцы средневековой Италии были слишком заняты зарабатыванием

денег и получением удовольствия от жизни, чтобы взять на себя все тяготы и опасности участия в войнах. Поэтому у них стала популярна практика найма солдат, чтобы те воевали за них; причем, будучи бережливыми деловыми людьми, они увольняли наемников сразу, как только могли обойтись без их услуг. Таким образом, в войнах воевали армии, специально нанятые для каждой военной кампании. <...> Впервые военное дело стало разумной и сравнительно безвредной профессией. Генералы того времени осуществляли боевые маневры друг против друга, зачастую с непревзойденным мастерством, однако в случае приобретения одним из них преимущества его противник обычно либо сбегал, либо сразу сдавался. Было принято правило, что город может быть разграблен только в том случае, если он оказал сопротивление: неприкосновенность всегда могла быть получена путем уплаты выкупа. <...> Как естественное следствие, ни один город никогда не сопротивлялся; было очевидно, что правительство, слишком слабое для защиты своих граждан, лишалось их доверия. Граждане мало боялись опасностей войны, которые были заботой лишь профессиональных солдат»³⁸.

Практически полное отделение частных гражданских лиц от государственных войн в Европе

восемнадцатого столетия освещается Джоном Ульриком Нэфом:

«Даже почтовая связь не прерывалась надолго в военное время. Письма переправляли без цензуры, со свободой, поражающей ум человека двадцатого века. <...> Представители двух воюющих наций при встрече разговаривали друг с другом, а когда не могли встретиться, то писали друг другу письма не как враги, а как друзья. Вряд ли существовала современная точка зрения, что... граждане каждой враждебной страны несут частичную ответственность за воинственные действия их правителей. А у воюющих правителей не было твердых намерений прекратить связи с гражданами противника. Старые инквизиторские методы шпионажа в применении к религиозному поклонению и верованиям исчезли, а применение какой-либо сравнимой инквизиции к политическим или экономическим взаимоотношениям даже не рассматривалось. Паспорта были изначально изобретены для обеспечения безопасного пропуска во время войны. В течение большей части XVIII столетия редко бывало, чтобы европеец отказался от поездки в иностранную страну только потому, что она воюет с его собственной страной»³⁹.

«С растущим восприятием торговли как полезной для обеих сторон военное дело XVIII века также уравнивалось значительными объемами «торговли с врагом»⁴⁰.

Здесь не требуется тщательно разъяснять, насколько далеко Государства вышли за рамки правил «цивилизованного военного дела» в нашем столетии. В современную эпоху всеобщих войн, совмещенных с технологиями всеобщего уничтожения, сама идея ограничения войны аппаратом Государства выглядит даже более причудливой и устарелой, чем изначальная Конституция Соединенных Штатов.

Когда Государства не находятся в состоянии войны, часто нужны соглашения для сведения конфликтов к минимуму. Одной из доктрин, завоевавших на удивление широкое признание, является провозглашаемая «священность международных договоров». Эту концепцию рассматривают как аналог «священности договора». Но у международного договора нет ничего общего с настоящими договорами. Договор передает определенным точным образом «права на частную собственность». Поскольку же правительство не «владеет» своей территорией ни в каком точном смысле, никакие заключенные им соглашения не «даруют прав на

собственность». Если, например, господин Иванов продает или дарит свою землю господину Кузнецову, то наследник Иванова не может законным образом явиться к наследнику Кузнецова и заявить свои права на эту землю. Права собственности уже были переданы. Договор, заключенный старым Ивановым, автоматически связывает и молодого Иванова, потому что собственность старым Ивановым уже была кому-то передана; таким образом, у молодого Иванова нет права требовать собственность. Молодой Иванов может претендовать лишь на то, что он унаследовал от старого Иванова, а старый Иванов может завещать лишь ту собственность, которой он на данный момент владеет.

Но если в какой-то день правительство, скажем, «Руритании» будет принуждено или даже соблазнено взятками правительством «Валдавии» отдать часть своей территории, то абсурдно заявлять, что правительства и жители этих двух стран теперь навеки лишены права требовать воссоединения «Руритании» в соответствии с принципами «священности международного договора». Ни люди, ни земля «Руритании» не принадлежат ни одному из правительств. Как естественное следствие, одно правительство не может путем международного договора связать мертвой рукой из прошлого более

позднее правительство. Революционное правительство, свергнувшее короля «Руритании», также вряд ли может быть привлечено к ответственности за действия или за долги того короля, поскольку такое правительство не является истинным «наследником» собственности своего предшественника.

* * *

- ³⁷ Это следует отличать от современного международного права с его акцентом на максимальном увеличении масштабов войны при помощи таких концепций, как «национальная безопасность».
- ³⁸ *Veale F. J. P. Advance to Barbarism. Appleton, Wis.: C. C. Nelson, 1953. P. 63.*

Аналогично профессор Джон Нэф пишет о войне Дона Карлоса, разразившейся в Италии между Францией, Испанией и Сардинией против Австрии в XVIII столетии:

«При осаде Милана союзниками, а также спустя несколько недель в Парме... армии противников встретились в жестокой битве за пределами города. Ни в одном из этих случаев симпатии жителей не были существенно смещены в чью-либо сторону. Они лишь боялись, что войска какой-то из этих армий могут пройти сквозь ворота и начать грабить. Их страх оказался беспочвенным. В Парме граждане

бегали на стены города, чтобы посмотреть битву на открытой местности внизу» (*Nef J. U. War and Human Progress. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950. P. 158*).

Также см.: *Nickerson H. Can We Limit War? New York: Frederick A. Stoke, 1934.*

³⁹ *Nef J. U. War and Human Progress: An Essay on the Rise of Industrial Civilization. P. 162.*

⁴⁰ *Ibid. P. 161. Аргументы в защиту торговли лидеров американской революции с врагом см.: Dorfman J. The Economic Mind in American Civilization. New York: Viking Press, 1946. Vol. 1. P. 210—11.*

ГЛАВА 7

АНАТОМИЯ

ГОСУДАРСТВА:

ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА

ПРОТИВ ВЛАСТИ

ОБЩЕСТВА

Под «Государством» я имею в виду ту совокупность привилегий и доминирующих положений, которые возникли посредством внеэкономической Власти. В противоположность этому под «Обществом» я подразумеваю, совокупность всех хозяйственных человеческих взаимоотношений и институтов, которые возникли в результате экономической деятельности... «Государство» — это политическая власть грабежа и насилия.

— Франц Оппенгеймер
«Государство»

Поскольку двумя основными и взаимоисключающими видами взаимоотношений между людьми являются мирное сотрудничество либо принудительная эксплуатация, производство или хищничество, то история человечества, особенно его экономическая история, может рассматриваться как противоборство между этими двумя противоположными принципами. С одной стороны, существует созидательное производство, мирный обмен и сотрудничество; с другой стороны — принуждающая диктатура и хищничество над этими общественными отношениями. Альберт Джей Нок удачно обозначил эти две враждующие силы как «общественная власть» и «государственная власть»⁴¹.

Общественная власть — это власть человека над природой, сотрудничество и совместная трансформация природных ресурсов и проницательность в понимании природных законов, для выгоды и во благо всем участвующим индивидуумам. Государственная власть является властью над природой, тем качеством и уровнем жизни, достигнутыми людьми при взаимном и выгодном обмене. Государственная власть, как мы уже знаем, является принудительным и паразитическим захватом результатов такого производства — «снятием сливок» с общества в угоду непродуктивных

(в действительности — антипродуктивных) правителей. Тогда как общественная власть — это власть, осуществляемая над природой, то, в противоположность этому, государственная власть — это власть осуществляемая над человеком.

На протяжении всей истории производящие и творческие силы человека снова и снова создавали новые способы преобразования природы для блага человека. Это были те времена, когда общественной власти удавалось превозмочь и преодолеть государственную власть и степень вмешательства Государства в общество значительно снижалась. Но всегда, минуя большее или меньшее время, Государство внедрялось и в эти новые области, чтобы искоренить и конфисковать общественную власть⁴². Если с XVII по XIX век во многих западных странах происходило развитие общественной власти и, как следствие этого, рост свободы, мира и материального процветания, то XX век, преимущественно, стал веком, когда государственная власть взяла верх — с соответствующим возвратом к рабству, войнам и разрушению⁴³.

В этом столетии человечество вновь стоит перед лицом злобного правления Государства — Государства, ныне вооруженного плодами творческих и интеллектуальных сил человека, изъятыми и извращенными

для собственных замыслов Государства. Последние несколько столетий были временем, когда люди старались наложить конституционные и прочие ограничения на Государство, но лишь узнали, что такие ограничения, как и все остальные попытки обуздать Государство, не приносят успеха. Из всех многочисленных форм, какие Государства принимали в различные века, из всех концепций и институтов, которые были перепробованы, ничто не преуспело в удержании Государства под законодательным и общественным контролем. Очевидно, что проблема господства Государства над Обществом так же далека от решения, как и была всегда. Вероятно, следует произвести новые исследования, насколько и как возможно успешное и окончательное решение проблемы господства Государства над Обществом⁴⁴.

* * *

⁴⁰ О концепциях государственной власти и общественной власти см. в: *Nock A. J. Our Enemy — the State* Caldwell, Idaho: Saxton Printers, 1946. Также см.: *Nock. Memoirs of a Superfluous Man*. New York: Harpers, 1943; *Chodorov F. The Rise and Fall of Society*. New York: Devin-Adair, 1959.

⁴¹ Государство всегда заботится о том, чтобы захватить и оградить жизненно необходимые «пункты

управления» экономикой и обществом. Среди них: монополия на насилие, монополия на окончательную судебную власть, каналы коммуникации и транспорта (почта, дороги, реки, воздушные маршруты), системы орошения в странах восточного деспотизма, а также образование — чтобы формировать мнения своих будущих граждан. Еще в современной экономике критичным пунктом управления являются деньги и налоги.

⁴² Этот паразитический процесс «наверстывания» был почти открыто провозглашен Карлом Марксом, который считал, что Социализм должен быть установлен путем захвата частного капитала, *предварительно накопленного* при Капитализме.

⁴³ Конечно, одним из необходимых компонентов такого решения должно быть разделение союза «интеллектуалов» с Государством, путем создания частных центров исследований и образования, независимых от «Власти Государства». Кристофер Доусон заметил, что великие интеллектуальные течения Возрождения и Просвещения стали возможны лишь благодаря работе не укоренившихся в Государстве университетов и часто вопреки им. Эти независимые научные сообщества новых идей установились благодаря частным покровителям. См.: *Dawson C. The Crisis of Western Education. New York: Sheed and Ward, 1961.*

Перевод выполнен для проекта RUSTATE.ORG,
издания книги социолога Франца Оппенгеймера
«Государство: Переосмысление» на русском языке.

Перевод: [http://translatedby.com/you/
the-anatomy-of-the-state/](http://translatedby.com/you/the-anatomy-of-the-state/)

© Murray N. Rothbard, © Ludwig von Mises Institute,
© Rustate.org

Оригинал (английский): M. Rothbard
«The Anatomy of the State»

на сайте LvMI: [https://mises.org/library/
anatomy-state/html](https://mises.org/library/anatomy-state/html)

Переводчики: © Анархист Иванов, © SHEVTAR,
© S.ANCAP, © A. Stikhin, © Knivy, © jantra,
© ahYuuue3, © Nm Realname, © Karbofoss80.

Лицензия: [https://creativecommons.org/licenses/
by/4.0/deed.ru](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru)

ПРОЕКТ [HTTP://RUSTATE.ORG/](http://RUSTATE.ORG/)

«The State» по-русски!

FaceBook: <https://www.facebook.com/TheStateFranz/>

МЮРРЕЙ РОТБАРД

**ОППЕНГЕЙМЕР
«ГОСУДАРСТВО»**

**АНАТОМИЯ
ГОСУДАРСТВА**

Подписано в печать 14.11.2018. Формат 70×100/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Усл. печ. л. 4,375.